

И. СЕРГИЕВСКИЙ

Об антинародной поэзии А. Ахматовой

Основные черты творчества Анны Ахматовой с полной ясностью раскрылись уже в ее первых стихотворных сборниках, появившихся около сорока лет назад. Это было тяжелое и трудное время в истории нашей страны, в истории революционной борьбы нашего народа против царизма, против капиталистов и помещиков. Революция 1905 года потерпела поражение, реакция наступала по всему фронту. В литературной жизни победа реакции ознаменовалась усилением и активизацией крайних правых течений, проникнутых духом антиобщественного индивидуализма, открыто враждебных народу и демократии.

«Поэт превращается в литератора и с высоты гениальных обобщений неудержимо скользит на плоскость мелочей жизни, швыряется среди будничных событий и, более или менее искусно обтачивая их чужой, заемной мыслью, говорит о них словами, смысл которых, очевидно, чужд ему», — писал Горький о буржуазной литературе этих лет. «Все тоньше и острее форма, все холоднее слово и беднее содержание, угасает искреннее чувство, нет пафоса; мыслью, теряя крылья, печально падает в пыль будней, дробится, становится, безрадостной, тяжелой и больной. И снова — на месте бесстрашия скучное озорство, гнев сменен крикливой злостью, ненависть говорит хриплым шепотом и осторожно озирается по сторонам. Для старых писателей типичны широкие концепции, стройные мировоззрения, интенсивность ощущения жизни, в поле их зрения лежал весь необъятный мир. “Личность” современного автора — это манера писать, а личность — комплекс чувств и дум становится все более неуловимой, туманной и, говоря правдиво, жалкой. Писатель это уже не зеркало мира, а маленький осколок; социальная амальгама стерта с него, валяясь в уличной пыли городов, он не в силах отразить своими изломами великую жизнь

мира и отражает обрывки уличной жизни, маленькие осколки разбитых душ».

Поэзия Анны Ахматовой — одно из самых характерных и выразительных явлений буржуазной литературы периода реакции. Она принадлежала к литературной группе акмеистов, представлявших собою «крайне индивидуалистическое направление в искусстве. Они проповедовали теорию «искусства для искусства», «красоты ради самой красоты», «знать ничего не хотели о народе, о его нуждах и интересах, об общественной жизни» (А. Жданов). В своих теоретических декларациях акмеисты проповедовали ясность и гармонию, «твердый и мужественный взгляд на мир», объявляли себя едва ли не наследниками и преемниками великого реалистического искусства прошлого. Но все это было сплошной словесной шумихой. В действительности поэзия акмеистов так же упадочна и ущербна, как и символистская поэзия, от которой они внешне отталивались, и в этом смысле Ахматова нисколько не выделялась среди своих литературных соратников поры своей литературной молодости.

Образ лирической героини ее стихов характеризуется прежде всего полной внутренней опустошенностью, полной атрофией воли к жизни. Отсюда глубочайшая пессимистичность ахматовской поэзии. Ее мировосприятие густо окрашено тонами уныния, безнадежности, безысходной и неизбывной тоски. Действительность предстает ее сознанию как нечто глубоко чуждое и враждебное. Во всем, что она видит и слышит вокруг себя, ей чудятся какие-то зловещие предзнаменования, несущие горе и гибель:

Я на солнечном восходе
 Про любовь пою,
 На коленях в огороде
 Лебеду полю.
 Вырываю и бросаю —
 Пусть простит меня.
 Вижу, девочка босая
 Плачет у плетня.
 Страшно мне от звонких воплей
 Голоса беды,
 Все сильнее запах теплый
 Мертвой лебеды.
 Будет камень вместо хлеба
 Мне наградой злой.
 Надо мною только небо,
 А со мною голос мой.

От этого страшного, бесприютного мира она уходит в узкий, замкнутый, душный мирок своих интимных чувствований и переживаний, но и здесь не находит успокоения. Любовь — одна из «вечных» тем мировой лирической поэзии. Любви как победному, окрыляющему человека чувству, любви, побеждающей смерть, посвящены многие лучшие страницы великих поэтов-лириков прошлого. Но не о такой любви идет речь в стихах Ахматовой. Для нее любовь прежде всего — мука, страданье, боль.

Я написала слова,
 Что долго сказать не смела.
 Тупо болит голова,
 Странно немеет тело.

.....

Слава тебе, безысходная боль.

.....

Как соломинкой пьешь мою душу.
 Знаю, вкус ее горек и хмелен.
 Но я пытку мольбой не нарушу.

.....

Пусть камнем надгробным ляжет
 На жизни моей любовь.

Другого разрешения тема любви и не могла найти в ахматовской поэзии. Любовь побеждает смерть, когда в основе ее лежит сознание единства человека с миром. Она сама приобретает патологический, смертнический характер, когда становится средоточием между человеком и миром, когда в своих интимных чувствованиях и переживаниях человек ищет спасения от бурь действительности.

По своим социальным истокам акмеизм представлял собою «дворянско-буржуазное течение в литературе в тот период, когда дни аристократии и буржуазии были сочтены и когда поэты и идеологи господствующих классов стремились укрыться от неприятной действительности в заоблачные высоты и туманы религиозной мистики, в мизерные личные переживания и копание в своих мелких душонках» (А. Жданов).

Ахматова — писательница с очень резко выраженным классовым обликом. «Помещичьи усадьбы екатерининских времен с вековыми липовыми аллеями, фонтанами, статуями и каменными арками, оранжереями, любовными беседками и обветшалыми гербами на воротах. Дворянский Петербург; Царское Село; вокзал в Павловске и прочие реликвии дворянской куль-

туры» интимно близки Ахматовой. Но «все это кануло в невозвратное прошлое», и поэтессе «ничего уже не остается делать, как только замкнуться в себе и жить химерами» (А. Жданов).

Ахматова не принадлежала прямо к «ораве» тех «молодых писателей», которые после поражения революции 1905 года «критиковали» и «разносили» марксизм, «оплеывали революцию, издевались над ней» («История ВКП(б). Краткий курс», с. 96–97). Но давно было доказано, что «самодовлеющая» поэзия, замкнутая в самой себе, лишенная какого бы то ни было идейного содержания, неизбежно становится орудием политической реакции. В той конкретной исторической обстановке, в условиях которой формировалась Ахматова как писательница, ее безвольные, расслабленные стихи не могли не играть отрицательной общественной роли, не могли не оказывать вредного действия на общественное сознание, притупляя и разлагая его.

Позицию, занятую Ахматовой в начале ее писательского пути, она сохранила неизменной на протяжении всей своей последующей литературной деятельности. Иные из ее современников, в пору своей молодости также захлестнутые стихией декадентства, сумели преодолеть в себе его отраву. В миросозерцании и творчестве Блока как раз в годы реакции зарождаются те тенденции, которые приводят его позднее к «Двенадцати» и «Скифам». Именно в эти годы создает он свою лирическую сюиту «На поле Куликовом» — одну из драгоценнейших жемчужин русской поэзии. Именно в эти годы приступает он к работе над поэмой «Возмездие» — произведением, пропитанным ненавистью к самодержавию и полным революционных предчувствий. У Ахматовой не нашлось сил к такой критической переоценке пройденного ею пути. Она осталась глуха ко всему, что выходило за пределы ее комнатного мира.

...рушилась твердыня Эрзерума,
Кровь заливала горло Дарданелл...
Но в этом парке не слышали шума,
Лишь ржавый флюгер вдалеке скрипел...

Великая Октябрьская социалистическая революция была воспринята Ахматовой преимущественно как катастрофа, как крушение привычного жизненного уклада с его застывшими, устоявшимися формами. Если она и пыталась разглядеть в развертывающихся на ее глазах событиях рождение чего-то нового, небывалого, то попытки эти не получили дальнейшего развития, оказались подавленными скорбью об отошедшем, об утраченном прошлом.

Затем Ахматова замолкла и молчала в течение почти двух десятилетий. Вновь выступила она в печати после этого двадцатилетнего перерыва в преддверии Великой Отечественной войны. Но это возвращение в литературу не было для нее «вторым рождением». Победоносная борьба советского народа за построение социалистического общества осталась вне ее кругозора, никак не обогатила ее творческого опыта — она прошла мимо всего того, чем жила наша страна в эти знаменательные десятилетия.

В своих стихах предвоенных лет Ахматова остается тем же, чем была в пору своей литературной молодости, — поэтессой, непроницаемой стеной отгороженной от мира, для которой единственная реальность — собственное «я». Только еще явственнее стало ощущение душевного надлома, надрыва, пронизывающее все ее мысли и чувствования; еще более резко и обнаженно прозвучали теперь у нее мотивы тленности всего земного, разочарования в жизни.

. О туда, туда,
Туда — по подкапризовой дороге.
Где лебеди и мертвая вода...

Эта тема, воплощающая самые худшие, самые гниlostные стороны декадентства, — тема смерти-избавительницы, смерти — «сладчайшего сна», красною нитью проходит сквозь ее стихотворения.

Уже безумие крылом
Души накрыло половину
И поит огненным вином,
И манит в черную долину.

Каким чудовищным анахронизмом звучат в наши дни такие стихи!

Ахматова утверждает, что ее муза — та же, которая диктовала Данте страницы его «Ада». Вряд ли это так. «Божественная комедия» — одно из самых тенденциозных произведений мировой литературы, автор которого жил всеми политическими страстями своего времени и своими чеканными терцинами творил суд над современниками и над героями близкого и далекого прошлого.

События Великой Отечественной войны продиктовали Ахматовой несколько стихотворений, которые можно было воспринять как свидетельство какого-то перелома, намечающегося в ее поэзии. Но ущербность ее поэтического сознания отразилась и в ее военной лирике.

Война была проклятием для нашей страны. Но она была не только проклятием, «она была вместе с тем великой школой испытания и проверки всех сил народа» (*Сталин*), она раскрыла моральное величие народа, раскрыла лучшие стороны советских людей, воспитанные в нем социалистическим общественным строем и советским государством.

Ахматова восприняла войну только как проклятие; в большинстве ее стихотворений ленинградского цикла военная тема раскрывается исключительно как тема боли и страдания.

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои.
Под землей не дышится.
Боль сверлит висок.
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок, —

в этих строках интонации причитания, плача подавляют все остальные.

Ахматова не разглядела в советских людях того нового, что внесено в их сознание социалистическим общественным строем и советским государством. Защитникам Ленинграда она приписывает какие-то смертнические настроения, изображает их героическую борьбу как слепое и покорное движение навстречу неминуемой гибели:

Сзади Невские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла Берт.

Но и эти однобокие, односторонние впечатления, почерпнутые Ахматовой извне, не из ее комнатного мирка, а из окружающей жизни, лишь слегка коснулись ее поэзии, оставив не затронутым ее существо. А дальше? А дальше

День шел за днем, и то и се
Как будто бы происходило —
Обыкновенно, но чрез все
Уж одиночество сквозило.
Попахивало табаком,
Мышами, сундуком открытым
И обступало ядовитым
Туманцем...

Так оборачивается перед Ахматовой советская действительность военных лет: как вереница бессмысленных, ничем не заполненных, мертвенных в своей пустоте дней, отравленных «ядовитым туманцем» пошлости. Снова мир предстает перед ней какой-то огромной, чуждой и враждебной ей ненужностью, снова все явления действительности приобретают сумрачную, зловещую окраску:

Так вот он — тот осенний пейзаж,
Которого я так всю жизнь боялась:
И небо, как пылающая бездна,
И звуки города, как с того света
Услышанные, чуждые навеки...
Как будто все, с чем я внутри себя
Года боролась, — получило жизнь
Отдельную и воплотилось в эти
Слепые стены, в этот черный сад...

В этом мире все призрачно, все бrenно, все обречено смерти. Одинок и неприютен в нем человек, отданный во власть темных, роковых сил:

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел, и тени не оставил,
Весь яд впитал — всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался.
Кто был предвестьем, предзнаменованьем,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленье
И задохнулся...

Таков логический итог, который подводит Ахматова пройденному ею пути, — итог достаточно красноречивый. Прошлое невозвратно; от него не осталось ничего, кроме туманных, хотя, может быть, и близких ее сердцу воспоминаний.

Настоящее — пусто, будущее не сулит ничего. Этим Ахматова начала, этим она кончает. Ее индивидуалистическая ущербная поэзия не может принести ничего, кроме вреда. Эти произведения «могут только посеять уныние, упадок духа, пессимизм, стремление уйти от насущных вопросов общественной жизни, отойти от широкой дороги общественной жизни и деятельности в узенький мирок личных переживаний» (А. Жданов).

Мириться с тем, чтобы «преданья всех мертвых поколений тяготели кошмаром над умами живых» — значит идейно разоружать советский народ в его борьбе и труде. Этого мы не можем допустить.

